

ТЫ ВСЕ, ЧТО У МЕНЯ ЕСТЬ

МАРИНА КРАМЕР

Марина Крамер
Ты все, что у меня есть

«Марина Крамер»

2020

Крамер М.

Ты все, что у меня есть / М. Крамер — «Марина Крамер», 2020

Эта книга посвящается офицерским женам, которые в последние десятилетия разделили все, что выпало на долю наших защитников в Афганистане, Чечне, Карабахе, Грузии и других горячих точках. Она открывает иной мир, который все это время находился рядом со всеми нами и которого многие не хотят видеть, – мир совсем не для хрупкой женщины. Однако в этом мире есть место Чести, Совестью, Дружбе и Любви. Посвящается военным медикам последних войн и офицерским женам, которые часто были единственной поддержкой и опорой солдат и офицеров Российской Армии.

Марина Крамер

Ты все, что у меня есть

Синopsis

Марьяна Стрельцова – обычная девушка. Она работает фельдшером в госпитале для участников локальных конфликтов. Разведена, детей нет.

Однажды во время визита к начальнику госпиталя она знакомится с капитаном Алексеем Кравченко – командиром десантной роты. Капитан стремится вновь попасть в Чечню, хотя медицинская комиссия признала его ограничено годным.

Всего нескольких минут хватает девушке, чтобы понять – она должна быть рядом с этим человеком, потому что только она сможет уберечь его там, на войне.

Через неделю случайно в кафе она вновь встречает капитана Кравченко – вместе с друзьями он отмечает будущий отъезд. Кравченко узнает Марьяну и приглашает их с подружкой за свой столик, однако ведет себя отчужденно. Его пугает разница в возрасте – он старше Марьяны на двенадцать лет. Ему кажется, что молодая девчонка придумала себе сказку и пытается сделать из него, старого и неоднократно раненого, героя войны.

Однако Марьяна твердо убеждена, что без нее Кравченко пропадет.

С помощью близкого друга Кравченко капитана Сергея Рубцова Марьяна попадает к Алексею домой. Тот совсем не рад ее видеть, пытается сделать все, чтобы не дать девушке влюбиться в него еще сильнее, но Марьяна настаивает и остается у Алексея на ночь.

Утром она неожиданно просит Кравченко взять ее с собой в Чечню, мотивируя это тем, что она – аттестованный военфельдшер, старшина медицинской службы. Кравченко приходит в ярость и обещает выкинуть ее из расположения роты, если упрямая девушка не расстанется с мыслью о войне.

На вокзале во время проводов Марьяна знакомится с женой Рубцова Еленой и ее сыном, курсантом военного училища Сашей. После более близкого знакомства Марьяна признается Елене, что собирается попасть в Чечню, чтобы быть вместе с любимым человеком. Елена, которая знает Кравченко довольно давно, предупреждает, что там, в Чечне, Марьяну встретит совершенно не тот человек, с которым девушка рассталась на вокзале. Кравченко – профессиональный военный, который не знает и не умеет ничего, кроме военного дела.

Но девушка решила не отступать. Через своего родного дядю, работника штаба гарнизона, она добивается командировки в Чечню. И без того непростые отношения с родителями обостряются до предела – мать категорически против, но Марьяна убеждает ее, что едет не в боевую часть, а в госпиталь далеко от зоны военных действий.

В Чечне Марьяну на самом деле пытаются откомандировать в госпиталь, но она идет на хитрость, заявляя, что хочет служить вместе с мужем – капитаном Кравченко.

Ее приезд в роту, которой командует Алексей, сопровождается скандалом. Кравченко пытается отослать девушку обратно, но Рубцов убеждает его не делать этого, и Марьяна остается.

Начинается служба, непростая для женщины, но Марьяна старается не показывать, насколько ей тяжело. Однажды к ним в роту приезжает еще один закадычный друг Алексея и Рубцова – капитан Константин Лещенко по прозвищу Леший. Они дружат еще с училища, делятся друг с другом всем и считают себя одной большой семьей. Лещенко, заметив отношение Марьяны к Алексею, решает поженить их прямо там, в Чечне, и объявляет мужем и женой.

С этого момента Алексей начинает переживать за Марьяну еще сильнее, старается оградить ее от всего, что приходится видеть и слышать бойцам. Но Марьяна не хочет такой заботы – ей нужно все время быть рядом с мужем.

Получив очередное задание, Кравченко решает не брать с собой Марьяну, оставить ее на блок-посту, но та накануне увидела страшный сон и поняла, что не может оставить Алексея, потому что кроме нее ему никто не поможет. И оказывается права – в ущелье на дороге колонну обстреливают боевики, Кравченко тяжело ранен, и Марьяна вытаскивает его из боя.

В госпитале выясняется, что ранение Кравченко очень тяжелое, и шанс выжить у него ничтожный. Марьяна тоже контужена, ее госпитализируют. Ночью она уговаривает медсестру провести ее в реанимацию, где умирает ее муж. Кравченко без сознания, но словно чувствует приход жены. На нее же это свидание действует негативно – Марьяна впадает в шоковое состояние и несколько дней не выходит из него.

Когда ей становится лучше, она выписывается из госпиталя и устраивается туда работать, чтобы быть рядом с мужем.

Почти через полгода Алексея выписывают и разрешают перевезти его домой, в родной город.

Его помещают в городской госпиталь, где раньше работала Марьяна. Начальник госпиталя берет Марьяну на работу, и там же, в госпитале, они с Алексеем официально женятся.

Дома Марьяна находит приглашение на встречу выпускников школы, на которую ее уговаривает пойти муж.

Там она встречает своего одноклассника Дмитрия Ленского, влюбленного в нее с седьмого класса. Ленский стал известным журналистом и, узнав, что Марьяна военфельдшер, прошедший Чечню, пытается уговорить ее дать ему интервью. Марьяна отказывается.

Алексея выписывают, и Марьяна привозит его к себе. Знакомство с родителями выливается в очередной скандал – муж Марьяны чуть моложе ее отца.

Вместе с мирной жизнью приходят проблемы – у Кравченко нарушена психика, его мучают ночные кошмары, он срывает свою злость и беспомощность на Марьяне, постоянно заводя с ней разговоры о разводе. После очередного скандала он вдруг понимает, что ведет себя нечестно по отношению к девушке, спасшей ему жизнь.

Однажды во время прогулки они с Алексеем встречают Ленского – тот пришел поздравить Марьяну с днем рождения. Ленский пытается спровоцировать скандал с соперником, однако Марьяна сама ставит точку, ударив Ленского по лицу в ответ на хамство. Ленский обещает отомстить.

Спустя несколько месяцев Кравченко готовят к последней операции по извлечению пули из легкого. Но накануне операции в городской газете появляется статья Ленского, в которой он поливает Марьяну и Алексея грязью. У Кравченко случается сердечный приступ, и операцию откладывают.

Рубцов и Лещенко, вернувшись из Чечни, узнают о произошедшем и заставляют Ленского публично принести извинения.

Алексею становится хуже, он снова попадает в госпиталь в тяжелом состоянии. Марьяна и Лещенко приходят к нему в палату, и на их глазах у Алексея останавливается сердце. Марьяна выхватывает пистолет у Лещенко и приставляет его к виску, заставив своим голосом Кравченко прийти в себя.

После этого случая Марьяна попадает в психиатрическую клинику и только через полгода вновь возвращается домой. Но там выясняется, что поправившийся Алексей снова вернулся в армию и опять собирается в командировку в Чечню. И Марьяне ничего не остается, как смириться и ждать.

Однажды к ней приходит Елена Рубцова и делится своей тревогой – ее сын Саша окончил училище и тоже уехал служить в Чечню, в роту Кравченко, хотя мог остаться в гарнизоне. Но мальчик был воспитан на примере боевых офицеров, а Алексей для него вообще являлся образом идеального военного.

До возвращения Кравченко остается около двух месяцев, когда в марьяниной жизни снова возникает Ленский. Он предлагает ей поездку в Чечню в составе его съемочной группы. Желание увидеть мужа пересиливает осторожность, и Марьяна соглашается.

Она действительно встречается с мужем и проводит у него три дня.

По возвращении из поездки Ленский спрашивается к Марьяне в гости и вновь просит ее уйти от Кравченко. Марьяна отказывается, и тогда Ленский насилует ее.

После произошедшего Марьяна решает покончить с собой, но в этот момент к ней приезжает Лещенко. Он сразу понимает, что произошло и кто в этом виноват.

Он находит Ленского и сильно избивает его, предупредив, что лучше бы тому исчезнуть. Марьяна уговаривает Лещенко ничего не говорить мужу.

Кравченко возвращается из командировки, а через некоторое время узнает, что в Таджикистане пропал Лещенко и что его перевезли на территорию Чечни. Он уезжает искать друга и пропадает.

Марьяна добивается командировки в госпиталь в Чечне. Перед отъездом она мирится с матерью.

Она попадает в тот самый госпиталь, где лечился после ранения Алексей. Во время одного из дежурств к ним в операционную попадает бежавший из плена раненый, и Марьяна с трудом узнает в нем Лещенко. В соседней операционной тоже находится пациент, подобранный вместе с Лещенко. Это оказывается ее муж.

У Кравченко частично парализованы руки, и для Марьяны все начинается заново. Но теперь все осложняется присутствием Лещенко. Марьяна из благодарности за помощь старается уделять внимание и ему тоже и тем самым вызывает ревность у мужа. Они ссорятся.

Приезд Рубцова возвращает все на свои места, он помогает Алексею и Марьяне разобраться в их проблемах.

Друзей выписывают, и Марьяна уезжает вместе с ними домой.

После реабилитации Кравченко возвращается на службу, но его направляют в учебную часть гарнизона. Алексей начинает пить и однажды срывает на Марьяне свою злость по поводу окончившейся военной карьеры.

В ситуацию вмешивается Лещенко, уговаривает Марьяну не бросать его друга. Марьяна чувствует, что вот-вот сорвется, и это происходит. Она снова попадает в психиатрическую больницу к доктору, который изучает проблемы реабилитации побывавших в Чечне. Но ситуация с Марьяной ставит его в тупик – она никак не хочет разговаривать с ним. Тогда доктор решается на эксперимент. Он приносит видеокассету с фильмом о чеченских событиях, и это оказывается фильм, снятый Ленским, смонтированный из его собственных съемок и захваченных у боевиков видеопленок. Марьяна вновь видит момент ранения Кравченко и впадает в истерику. Но этот случай возвращает Марьяну к жизни. Она даже рассказывает врачу про изнасилование.

Во время свидания с мужем в вестибюле Марьяна сталкивается с Ленским и едва узнает его – тот перенес несколько пластических операций. Между Ленским и Кравченко возникает ссора, и Алексей выбрасывает журналиста на улицу.

Ночью Ленский, заплатив санитарам, проникает в палату к Марьяне. Между ними завязывается драка, и Марьяна, обороняясь, убивает Ленского.

Ее арестовывают, но психиатр настаивает на том, что содержать ее нужно только в условиях клиники.

Марьяне приходится рассказать мужу правду, и Алексей делает все возможное, чтобы уберечь жену от тюрьмы.

Марьяну приговаривают к принудительному лечению, сняв обвинения.

Спустя время она возвращается домой. Ее родители наконец принимают зятя. А однажды Марьяна обнаруживает, что, вопреки всем прогнозам врачей, она беременна.

У них с Кравченко рождается дочь Варька.

* * *

Эта история случилась довольно давно – можно сказать, в прошлом веке. Написана она была тоже давно – в 2005 году, но много лет лежала в столе. К сожалению, прототип главного героя не дожил. Но я чувствую себя обязанной и благодарной ему за то, что он позволил своей жене рассказать мне все – даже то, о чем они говорили только между собой. Огромное спасибо им обоим за это. А еще – Сергею Трофимову (Трофиму) за разрешение использовать кусочек из его песни.

Служил я не за звания
И не за ордена —
Не по душе мне звездочки
«По благу».
Но звезды капитанские
Я выслужил сполна —
Аты-баты, аты-баты.
Сергей Трофимов.

...Не идет мне камуфляж. Никогда не могла понять, какой умник придумал, что женщина в военной форме привлекательна и интересна. Это только в кино длинноногие девахи так сексуально выглядят, что даже дух захватывает. Еще бы – юбочки выше колена, сапожки по ноге, чулочки и все такое... На деле все немного прозаичнее. Как можно казаться кому-то привлекательной в мешковатых брюках, в тяжелой куртке и огромных, просто неподъемных ботинках? А тельняшка? А плюс к тому – санитарная сумка с полной укладкой, да автомат, да два запасных рожка к нему? Посмотрела бы я на этих куколок с экрана... Конечно, кто угодно вправе возразить – мол, подгони по фигуре, тут обрежь, там ушей, здесь сделай поуже. Возможно. Но мне некогда было думать об этом – я не в штабе сидела...

Я – военный фельдшер. Чего мне это стоило, знаю только я и еще мой муж. Мой не вылезавший из госпиталей долгих три года муж. Мой ротный. Мой Леха Кравченко. Именно из-за него я живу так, как живу.

Никто не мог понять, что связывает меня, молодую еще женщину, с усталым сорокалетним мужиком, прошедшим Афган и Чечню, видевшим такое, от чего мутится разум. Но я люблю его такого, какой он есть, и больше мне не надо никого и ничего на свете. Мой Леха. Мой ротный.

...Тогда, в девяносто восьмом, я только-только устроилась в военный госпиталь, хотя до этого работала в обычной городской больнице. Но так повернулась жизнь – предложили, пошла. Мне было двадцать пять лет...

Мы столкнулись в кабинете начальника госпиталя, куда я шла на «разбор полетов» за то, что банально врезала по наглой роже неоднократно пристававшего ко мне лейтенанта медицинской службы хирурга Басинского. Этот brave резака в очередной раз вообразил себя голливудским жеребцом, от которого я просто по определению должна была прийти в восторг и кинуться на шею с криком: «Вася, я ваша навеки!». В мои планы это как-то не входило, и вот... Басинский подал рапорт начальнику, и шагаю я теперь на ковер за строгим выговором, как пить дать. Женщина – существо бесправное, а в армии – так тем более, чуть что – «сама виновата, тебя предупреждали, что скидок не делаем и т. д.», и это вполне стандартный ответ

любого командира, словно мы только и делаем, что провоцируем мужчин на хамство и свинство! Но мне на это наплевать, я девушка решительная, могу сама за себя постоять.

В кабинете подполковника сидели двое – за столом, спиной ко мне, высокий военный, а сам начальник госпиталя, седой, довольно пожилой уже мужчина, хмурясь, разглядывал какие-то бумаги, и что-то в этих бумагах ему не нравилось.

– Поймите, капитан, после такого ранения...

– Это было давно, – Господи, сказал, как отрезал, ну и голос!

– Да, не спорю, вас не комиссовали, но это вовсе не значит...

– Значит. Я – кадровый офицер, я не могу сидеть на диване, когда в мясорубку бросают сопливых необученных пацанов. Я – профессионал, мое место на войне, а не под юбкой у бабы!

Ничего себе, заявочка! Интересно, сейчас-то Авдеев заорет или нет? Он не заорал, молча подписал бумагу и протянул ее военному:

– Можете идти, капитан Кравченко. В конце концов, вы не мальчик, должны и сами понимать опасность и последствия своего ранения. Зачем я буду снова и снова повторять то, что вам наверняка говорили уже не однажды! Но имейте в виду – я был против.

– Спасибо, я учту ваше мнение, товарищ подполковник медицинской службы.

Военный поднялся со стула и пошел прямо на меня. Эти глаза... Я никогда не видела прежде таких усталых, ничего не выражавших глаз. Он посмотрел на меня и слегка улыбнулся, а я прилипла к дверному косяку, не в силах даже двинуться с места.

– Да, кстати, Марьяна, раз вы здесь, возьмите капитана Кравченко и сделайте ему прививку от гепатита, – заметил меня начальник.

– Есть, товарищ подполковник. Только я здесь по другому поводу...

– Капитан, подождите фельдшера в коридоре! – велел Авдеев. – Это много времени не займет.

– Да.

Капитан вышел, слегка отодвинув меня плечом.

– Кто это? – спросила я, забыв о субординации.

– Капитан Кравченко, десантник, мать его... Прошел Афганистан, два ранения, потом Чечня, и вот снова в пекло лезет. Сидел бы в учебке своей, так нет – патриотизм прет! Без него там не разберутся, в Чечне этой! – полковник в сердцах отшвырнул свою любимую ручку и стукнул кулаком по столу. – Не понимаю я! Столько лет служу, а не могу понять...

– Дело военного – война, – изрекла я.

– Ну, в тебе-то это откуда? Ты же девушка, всех перебьют, за кого замуж пойдете?

– За Басинского. Этот в Чечню ни за какие плюшки не поедет. Хотя военный врач.

– Вот-вот, кстати, о Басинском, – снова перешел на официальный тон подполковник, вспомнив о причине моего визита. – лейтенант подал рапорт – вы ударили его по лицу, назвали уродом и козлом. Догадываетесь, чем пахнет?

– Козлом и пахнет, товарищ подполковник. А еще строгим выговором с занесением, – я опустила глаза и приняла вид удрученный и раскаивающийся, однако в душе ничего подобного не испытывала, и при случае повторила бы и свои слова, и действия.

– Точно. Деточка, я, может, не в курсе чего-то, так вы скажите, разберемся, – Авдеев стал похож на моего дедушку, такой домашний, милый, хоть плачь.

– Товарищ подполковник, я думала, что в армии служат, как это ни банально звучит, настоящие мужчины, а лейтенант Басинский позволяет себе выходки замоскворецкой шпаны, что, как мне кажется, в военном госпитале просто недопустимо. Глядя на врачей, и пациенты начнут руки распускать. А у нас и так контингент не из спокойных, много контуженых, им не объяснишь...

– Да, вы правы, детка, но по лицу, да еще прилюдно... – подполковник покачал головой.

– Я признаю, что была неправа, товарищ подполковник. Скажите, как я должна поступить в следующий раз? – я не надеялась получить ответ сродни панацее от всех болезней, да и что мог посоветовать в этой ситуации пожилой начальник госпиталя?

– Ну, уж это! – развел руками Авдеев.

Догадавшись, что нагоняя уже не будет, я осторожно спросила:

– Я могу быть свободной, товарищ подполковник? Меня ждет капитан на прививку...

– Да-да, идите, Марьяна, и передайте лейтенанту Басинскому, чтобы явился ко мне в шестнадцать ноль-ноль.

Так-с, попал Васютка! Еще неизвестно, кому ты своим рапортом неприятности доставил – мне или, может, себе...

За дверью кабинета на стуле сидел капитан. Теперь у меня было время разглядеть его как следует – огромные плечи, обтянутые камуфляжной курткой, тугие бицепсы, крепкие запястья и широкие ладони. Ботинок на вытянутой вперед ноге был никак не меньше сорок шестого размера, да и сам капитан казался таким монументальным, основательным, что хоть сейчас на пьедестал. И глаза... Серые глаза, затемненные ресницами, на бронзовом от загара лице, перечеркнутом морщинами. Твердые, плотно сжатые губы под светлыми, выгоревшими усами... У меня снова что-то ухнуло и оборвалось внутри...

– Пойдемте со мной, товарищ капитан, – произнесла я.

– Ты за что летёхе анфас попортила? – поинтересовался он, поднимаясь и шагая за мной в процедурный кабинет.

– А вы откуда знаете?

– Дверь приоткрыта была.

– Было за что.

– Да уж понял я, что не форма его носа тебя не устроила. Приставал, что ли?

– А вам не все равно?

– Права. Просто уважаю таких, кто может отпор дать мужику, не боясь последствий.

Мы зашли в процедурку, я полезла в холодильник за вакциной, потом в шкаф за шприцем, не глядя на севшего на кушетку капитана, попросила:

– Рукав засучите. А лучше – снимите куртку, так удобнее будет.

Увидев его обнаженный бицепс, я замерла – ничего себе, ручка, так и иглу недолго сломать – это ж камни, а не мышцы!

– Коли быстрее, я уколов жутко боюсь, – признался капитан.

Я уколола чуть ниже татуировки – горы, небо, птицы какие-то и надпись внизу полукругом – «Афган – 87». На лице капитана не дрогнул ни один мускул, ну, еще бы! Не даром же меня прозвали «руки ангела» за мое умение ставить уколы безболезненно и незаметно. Чем, собственно, и горжусь.

– Все, одевайтесь. А правда, что вы в Чечню просились?

– Что я – мальчик, проситься? Это моя работа, я должен – я делаю, такое уж у меня правило.

Он оделся и пошел к выходу, задержавшись в дверях:

– Ну, прощай, ласточка! А, кстати, ты это правильно сказала – настоящие мужики только в армии.

Дверь за ним давно закрылась, шаги отзвучали в коридоре, а я все стояла у окна, сняв синюю шапочку, и ждала, когда же он выйдет во двор, чтобы еще хоть несколько минут посмотреть на этого человека. Зачем – даже не скажу, не знаю... Капитан Кравченко. Мой капитан Кравченко. Мой – потому что уже тогда я твердо знала, что так и будет.

У крыльца был припаркован «газик», около которого курили двое военных. Один, наголо бритый, облокотившись на капот, разглядывал что-то на асфальте, другой, светловолосый, невысокий, кидал семечки налетевшим прямо ему под ноги наглым госпитальным голубям.

Кравченко подошел к военным, они оживились, похлопали его по плечу, сели в «газик» и укатили. Черт возьми, даже не оглянулся... И почему ласточка, интересно?..

Через неделю я уже и думать забыла о капитане, только один раз мне приснилась почему-то его татуировка – горы, небо, птицы...

В мой выходной, совпавший с субботой, мы с подругой Юлькой сидели в кафе, отмечая ее повышение по службе – подругу назначили начальником отдела в налоговой инспекции. Честно сказать, если бы я была более закомплексована, чем я есть, то ни за что не пошла бы куда-то в людное место с такой женщиной, как Юлька. Ее финансовое положение было куда как лучше моего, одета она всегда была дорого и модно, и вообще яркая и красивая, притягивающая к себе внимание девица. На ее фоне я выглядела девочкой-простушкой, но мне на это всегда было наплевать. Юлька, кстати, тоже этого не замечала, мы дружили много лет, делились всеми секретами и тайнами, и людей ближе у нас не было.

Наш столик находился в самом углу зала, мы потягивали вино, болтали, словом, расслаблялись. Юлька сидела в картинной позе, закинув одну ногу на другую, оглядывала зал в поисках «чего-нибудь подходящего», как она сама обычно выражалась. Подходящего не было – практически все мужчины сидели с дамами, а потому ловить моей красавице-подруге было нечего.

– Что, никого? – сочувственно спросила я, с улыбкой глядя на нее.

Но и это не расстроило кудрявую, рыжеволосую Юльку:

– Ой, да просто не мой день! – она подмигнула мне и потянулась за бутылкой.

Где-то между третьим и четвертым бокалами мне стало как-то не по себе, я обернулась и увидела, что за столиком в нише напротив сидят трое мужчин и разглядывают нас. Один из них – Кравченко. Я чуть под стол не упала от изумления – вот уж неожиданность! Пока соображала, что делать и как себя вести, Кравченко поднялся и подошел к нам.

– Гуляем?

– Да. Здравствуйте, товарищ капитан.

– Вот и мы тоже гуляем. Пойдем, познакомлю с друзьями. Можешь подругу с собой взять, – предложил он.

– Неудобно, – заманерничала Юлька, окинув компанию беглым взглядом и поняв, что и там ловить нечего – военные никогда не привлекали ее ни зарплатой, ни длительными командировками, ни постоянной бытовой неустроенностью. – У вас своя компания, мы помешаем...

– Вот только фасону такого не надо! – попросил Кравченко. – Приглашают – иди.

Видимо, в моих глазах читалось желание присоединиться, и Юлька не смогла отказать мне в этом. Мы пересели за их стол. Кравченко стал знакомить нас с присутствующими:

– Прошу любить и жаловать – мои друзья...

– Капитан Рубцов, можно просто Серега, – отрекомендовался бритый наголо.

– А я – капитан Лещенко, можно без церемоний – Леший, и все, – весело посмеиваясь, сказал светловолосый.

– А это... – замялся Кравченко, глянув на меня. – Слушай, а ведь я даже не спросил твое имя, ласточка...

– Зовите меня просто – госпожа Стрельцова, – засмеялась я. – А я буду звать вас товарищ капитан, потому что вы тоже не представились.

– Алексей, Леха. Как удобнее, так и зови.

– А я – Марьяна. Моя подруга Юлия.

– Вот и прекрасно! Девочки дорогие, скрасьте вечер трем одиноким воякам, которые... – начал было Леший, но Кравченко перебил:

– Цыц! Не пугай детей!

– Обижаете, товарищ капитан! Давно уже не дети! – фыркнула Юлька.

Внимательно глядя ей в глаза, от чего моя подруга вдруг сделалась меньше ростом, Кравченко тихо спросил:

– Тебе сколько лет было в восемьдесят седьмом?

– Четырнадцать... А что?

– А то, что мы тогда уже в Афгане «духов» на тот свет сгружали, пока вы в школу с бантиками бегали.

Юлька умолкла, поняв, что сморозила какую-то глупость.

– Ротный, не надо, не заводи! – попросил Рубцов. – Позвал девчонок, а сам опять...

– Действительно, Леха, заканчивай! – поддержал его Леший. – В кои-то веки собрались втроем, и опять начнем за Афган разговаривать. Давай лучше напьемся!

– Да-да, правда, – сник Кравченко. – Наливай тогда...

– Я не пью водку, – отвела я руку Рубцова, потянувшуюся с бутылкой к моей рюмке.

– У-у, какая же ты тогда боевая подруга? Звание-то есть у тебя? – спросил тот.

– Я старшина. Но даже это не обязывает меня пить спирт стаканами.

– Какая колючая девочка! – одобрительно захохотал Леший.

– Нет, я ж не про то, – смутился почему-то Рубцов. – Просто я привык, что сейчас все пьют, никто не отказывается.

– Ну, простите, что разочаровала – такая уж я нестандартная!

– Да, и мужиков по морде хлещешь! – насмешливо глядя на меня, добавил Кравченко. – Прикинь, Леший, она какому-то лейтенанту в госпитале по роже съездила! И... как ты его там назвала, я не запомнил?

– Уродом и козлом.

– Так и сказала? – удивился Леший.

– Так и сказала.

– Ну, молоток! А за что? Приставал?

– Что же у вас всех мозги под одно заточены? «Приставал, приставал»! – бросила я с досадой. – Уже не пристает, передумал.

– Вот я и говорю – так их всех и надо, иначе достанут! – захохотал Леший.

– Простите, а мы так и будем весь вечер обсуждать мою личную жизнь? – поинтересовалась я, устав от такого пристального внимания.

– Вот, кстати о личной жизни! – подхватил Леший, закуривая. – Я не женат, не интересуетесь?

– Чем, залежалым тридцатишестилетним мясом? – толкнул его в бок Рубцов, и Леший обиделся всерьез:

– Сам ты мясо! Женился сразу после школы и гордится! А бедная Ленка даже нагуляться не успела, как все нормальные девки – сразу киндер, и муж то в Афгане, то еще где!

– Дурак ты! Может, я только из-за сына и выжил там, да из-за Ленки, потому что ждала...

– А я не спорю.

Все это время я, не отрываясь, смотрела на Кравченко – он молча сидел, глядя куда-то мне за спину, на темную штору окна. Казалось, что он ушел куда-то далеко в своих мыслях и не замечает, не слышит ничего вокруг. Я не могла оторваться от этого лица, во мне все разрывалось от чего-то неизвестного ранее, и вдруг поняла, что могу вот так часами смотреть на него, просто смотреть, и все. Я увлеклась настолько, что даже не заметила, как и он, очнувшись будто, посмотрел на меня.

– Не надо, девочка, – негромко попросил он.

Я вздрогнула, его ручища накрыла мою:

– Не надо, не смотри на меня так, не придумывай себе красивых историй про войну и раненого героя, это не обо мне сказка.

– А как вы можете знать, о чем я думаю?

– Я старше тебя почти на твою жизнь.

– Неправда.

– Правда. Я же все вижу – тебе романтики захотелось, а я для этого не создан, я...

– Ага, «я – простой солдат, и не знаю слов любви!» – фыркнула я. – Где-то я уже это слышала.

– Образованная, комедии старые знаешь...

– При чем здесь это? Я просто хотела тему сменить.

– И все же, я очень прошу тебя – не придумывай себе ничего, не ломай свою жизнь.

– За меня не решайте, ладно? Я взрослая женщина.

– Вижу. Взрослая, – усмехнулся он грустно.

...В конце концов мы, кажется, напились, не помню уже. Назавтра раскалывалась голова, и перед глазами плыли круги, а вечером вдруг позвонил Рубцов. Я удивилась – телефон никому не оставляла, но все оказалось просто – разведчик Серега «вынул» всю информацию обо мне у моей сменщицы Лорки в госпитале.

– Мне надо тебя увидеть, – сказал Рубцов. – Выходи через двадцать минут на улицу, – и положил трубку.

Ой, мама, кажется, даже зеркало испугалось моего вида – ну и морда! Кое-как нарисовав на ней лицо, что, правда, тоже было весьма условно, я влезла в джинсы, кроссовки и джинсовую ветровку и спустилась во двор. Меня пошатывало, я вообще-то не пью, но вчера... У подъезда стоял «жигуль» зеленого цвета, из него-то и высунулся Рубцов:

– Садись!

Я шатнулась в сторону машины, и ехидный разведчик подмигнул:

– Ой-ё-ёй, такая маленькая, а так пьёт! Болит голова?

– Я ее вчера где-то оставила, – пробормотала я, сжимая пальцами раскалывающиеся виски.

– Ну, понятно. Погоди-ка, сейчас поправим, – он порывлся в бардачке, вынул упаковку аспирина и протянул мне. – Вот, выпей пару штук, там минералка сзади на сиденье. И постарайся как-нибудь переварить то, что я сейчас тебе скажу. Завтра мы уезжаем в командировку на год. Объяснять, думаю, нет нужды?

– Нет, – я машинально сунула в рот две таблетки аспирина, сделала глоток тепловатой минералки. Противный вкус таблеток, усугубляемый пузырящейся водой, заставил меня передрнуть плечами и зажмуриться. Нет, со спиртным нужно аккуратнее... Я вообще-то почти не пью, но вчера у меня отказали тормоза, и пропал рассудок.

– Умница, – говорил тем временем Рубцов, высунувшись между сидений и глядя на меня своими прищуренными глазами. – Я рогатого знаю, он мужик железный, сам не скажет... Ты ему понравилась, но в главном он прав – он тебе не пара. Ты молодая, симпатичная, у тебя все еще впереди, а у него – только война. Ничего больше, война только. Как и у нас с Лешим. Я понятно объясняю?

– Нет.

– Хорошо, попроще. Не пытайся его ждать, он не хочет этого, а у тебя все вчера на мордочке написано было. Леха прав – ты не будешь с ним счастлива, с нами вообще нельзя быть счастливыми.

– А как же ваша жена?

– Ленка-то? Не знаю, я не спрашивал, но думаю, что если бы не я, то у нее была бы другая жизнь.

Рубцов закурил, я сидела, не совсем понимая, к чему этот разговор, но мне хотелось плакать – мужчина, ради которого я была готова на все, отвергал меня, даже не узнав как следует. Причем он сделал это не сам, не глядя мне в лицо, а поделившись опасениями с лучшим другом. Мужик называется!

- Сергей, а я могу сама поговорить с ним? Мне это важно.
- Рубцов вздохнул, выбросил сигарету и завел мотор:
- Поехали, но только потом не обижайся – сама виновата.
- ...Где-то я это уже слышала...

Мы приехали в старый район города, где стояли какие-то мрачные, жуткие бараки в два этажа. Во двор одной такой развалюхи мы и завернули. «Какой кошмар», – пронеслось в голове – мои белые кроссовки выглядели здесь чем-то непристойным, неуместным. Грязища в подъезде поражала, так же, как и облезлые стены с пятнами плесени, как расшатанная лестница с полусгнившими ступеньками, по которой мы поднялись на второй этаж. Рубцов толкнул дверь, и, когда она открылась, увлек меня за собой внутрь. Это была одна комната, здоровенная, правда, но запущенная, почти без мебели. Посреди нее на полу стоял рюкзак, рядом с ним – армейские ботинки и какие-то вещи, над всем этим завис Кравченко, голый по пояс, в синих спортивных брюках. Обернувшись на звук открывшейся двери, он разозлился, когда обнаружил, что кроме Сереги, в квартиру вошла еще и я.

– Ну, и кто просил тебя это делать? – неласково поинтересовался он у Рубцова.

– А иди ты, Леха, к такой-то матери! – вспылil тот. – Сам скажи ей, в конце концов, девочка имеет право на человеческое обращение! – и Рубцов вылетел из квартиры, шархнув дверь.

– Ну, здравствуй, ласточка! – произнес капитан.

– Здравствуйте.

– И чего ты ждешь от меня? Признаний в вечной любви на второй день знакомства? – серые глаза пристально смотрели мне в лицо.

– Нет.

– Тогда зачем ты здесь?

– Не знаю... – я совсем растерялась, не знала, то ли возмутиться, то ли заплакать, то ли просто развернуться и уйти... Нет, вот последнего я бы точно не сделала, даже если он погнал бы меня палкой.

– Я же просил тебя – не сочиняй сказок, не порти жизнь, я не пара тебе, ну, посмотри ты на меня внимательно – мне тридцать семь лет, у меня нет ничего, кроме этой конуры и набора пуль, которые из меня вынули. И на себя посмотри – молодая...

– Не трудитесь, товарищ капитан, – попросила я. – Это все вы сказали мне вчера, а сегодня повторил капитан Рубцов, так что глупо одно и тоже по нескольку раз...

– Повторяю вопрос – зачем тогда ты здесь? Я прошу тебя – иди, мне нужно собираться, – Кравченко демонстративно отвернулся от меня, склонившись над рюкзаком.

– Я думаю, что это не особенно сложно, учитывая, что вы не на курорт едете, – заметила я – ко мне вернулась самоуверенность, ведь, раз он не выкинул меня из квартиры на первой секунде, то теперь уже точно этого не сделает.

– Тогда садись и не мешай, – он кивнул в сторону дивана, и я опустилась на него. – И еще – «выкать» перестань, терпеть не могу!

Я кивнула, чего он, по-моему, не заметил, сосредоточенно упаковывая рюкзак, и принялась разглядывать стены хибары. Ничего интересного, только фотография в рамке на стене – Кравченко, Рубцов, Леший – молодые, улыбающиеся, на фоне какого-то кишлака. Больше ничего. Богатая квартира – диван, два стула, маленький стол с пепельницей, на полу – немецкий телевизор и видеоманитофон, валяются какие-то кассеты. Все.

Кравченко закончил с рюкзаком, посмотрел на меня:

– Нравится обстановка?

– Да, как в казарме – ничего лишнего.

– У тебя есть родители? – неожиданно спросил он.

– Да, только я с ними давно не живу.
– Почему?
– Так вышло. Они не могут смириться, что я институт бросила.
– Какой?
– Медицинский. Пошла в училище, потом в госпиталь устроилась, аттестовали, фельдшером работаю. А мама мечтала, чтобы врачом.
– Что ж ты так? – поинтересовался Кравченко, садясь на пол у стены.
– Стыдно быть плохим врачом. А фельдшер я хороший.
– Да, я слышал – «руки ангела», – он улыбнулся из-под усов, и у меня как-то потеплело на душе.

– Откуда вы... ты знаешь?
– Рубцов нарыл сегодня.
– Оперативно! – усмехнулась я.
– Разведка. Знаю, что тебе двадцать пять лет, была замужем, правда, недолго и неудачно, работала сначала в городской больнице, потом в госпиталь ушла. На работе уважают, хотя и дерешься, – снова улыбнулся он.

– Да-а! – протянула я. – Подготовился. Жаль, у меня нет друзей в разведке, было бы, о чем поговорить. Хотя... Капитан Алексей Кравченко, тридцать семь лет, Афганистан, Чечня, два ранения... В общем, все.

– Авдеев изложил?
– Да.
– А говоришь – разведка нужна. Добавлю – не женат, не был никогда, характер несносный, бессонница, невроз, выпиваю, нечасто, но в дрова.
– Мне все ясно. Леша, а возьми меня с собой, – неожиданно для нас обоих попросила я.
– Куда? – не понял Кравченко.
– С собой, в командировку.
– Ты соображаешь вообще, о чем говоришь?! – заорал он, вскакивая. – Это тебе что, игрушки в войнушку?! Пиф-паф, падай, ты убит?! Там бабам не место!

– Не ори! Я не баба, я фельдшер, я старшина медицинской службы...
– У меня в роте фельдшера только парни, так было и так будет! Все, хватит! – отсек он.
Я замолчала, не понимая, как вообще у меня это вырвалось, и в какой момент я поняла, что если меня не будет рядом, то с ним непременно случится что-то ужасное, непоправимое, от чего только я и сумею его уберечь. Мы молчали, а потом я протянула руку и дотронулась до его плеча, до татуировки, которая снилась мне ночью – небо, горы... Я вдруг почувствовала, как неудержимо тянет меня к этому человеку, как я хочу быть с ним. Видимо, от меня пошла какая-то волна, потому что он тоже что-то почувствовал.

– Подумай хорошо, – сказал глуховато Кравченко, повернувшись ко мне и глядя в глаза.
– Я не хочу думать, Леша, ты нужен мне, я за этим и приехала, я никогда не делала такого раньше... Мне наплевать, что мы едва знакомы, я хочу быть с тобой везде и всегда, я прошу, не прогоняй меня, иначе я не переживу... прошу тебя... прошу...

– Не плачь...

Он обнял меня как-то неловко, неумело, гладил по голове, потом поднял с дивана и носил на руках по комнате, как носят плачущего ребенка. Со стены улыбались Рубцов и Леший...

...Утром я проснулась на продавленном диване под простыней, было дико холодно, в кухне хлюпала вода. Я встала и пошла на этот звук – Кравченко обливался холодной водой над большим тазом, по рельефным мышцам стекали капли, он фыркал и снова лил на себя ледяную воду. Он был так невыразимо прекрасен, что у меня даже дыхание перехватило... Я подошла сзади и прижалась к его спине.

– Фу, напугала! – засмеялся Леха и вылил на меня остатки воды из железной кружки.

Я завизжала, он, смеясь, подхватил меня на руки и понес в комнату. Мы занимались любовью часов до трех, забыв обо всем на свете, даже о том, что ему скоро ехать на вокзал. Хорошо, что вообще спохватились. Леха одевался, я тоже поднялась, шатаюсь, как пьяная. Он подал мне джинсы, майку, кроссовки:

– Осталось только ключи соседке занести, – он сказал это так буднично, словно собирался на дачу на выходные. – У нее дочка замуж вышла, пусть у меня пока живут. Ты вот что, Марьяна, фотографию забери пока, пусть у тебя побудет...

Я бережно сняла со стены рамку и прижала к себе:

– Леша, а можно, я с тобой на вокзал поеду?

– Зачем тебе?

– Надо.

Что-то в моем лице сказала Кравченко о том, что я все равно сделаю так, как решила, поэтому он согласно кивнул и предложил:

– Давай присядем.

Мы сели, потом Кравченко легко поднялся, подал мне руку повел за собой из квартиры. Постучав в дверь на первом этаже, Леха отдал ключ маленькой женщине в красном платке. Она заохала:

– Лешенька, куда опять?

– Командировка, Ольга Ивановна. Пусть Наташка ваша с Пашкой у меня поживут пока.

– Спасибо, Лешенька, – закивала соседка. – Ты не сомневайся, все в целости будет. Дай тебе Бог! – она перекрестила Леху и заплакала: – Возвращайся, Лешенька...

– Вернусь, Ольга Ивановна.

К поезду никого чужих не пускали, но Кравченко провел меня через милицейский кордон. На перроне было очень много людей – военные в камуфляже, их жены, дети, родители... Целая толпа, колыхавшаяся вокруг этих военных, многогласно звучащая и то и дело разрываемая детским плачем... Плачущие женщины, жмущиеся к затылком в камуфляж мужьям и сыновьям, дети всех возрастов, то сидящие на руках у отцов, то прилипшие намертво к родительской куртке... Я увидела Рубцова с красивой рыжеволосой женщиной и парнишкой лет восемнадцати в форме военного училища. Брови Сереги взлетели вверх, когда он увидел меня рядом с Кравченко.

– Знакомься, Ленка! – весело сказал он жене. – Это Марьяна.

– Очень приятно, Лена, – просто и дружески отозвалась красавица. – А это Саша, наш сын.

– Здорово, дядь Леш! – пробасил парень, протягивая Кравченко руку.

– Здорово. Как учеба?

– Порядок!

– Отличник! – гордо произнес довольный Рубцов, потрепав Сашу по затылку. – Командир отделения, должность обязывает хорошо учиться.

Тем временем Лена незаметно взяла меня за локоть и отвела чуть в сторону:

– Девочка, а у тебя это серьезно? В смысле, с Кравченко?

Я даже не возмутилась подобному вопросу от человека, которого знаю всего пять минут – Лена внушала доверие и производила впечатление умной и надежной женщины.

– У меня – да, у него – скорее нет.

– Вот что – я дам тебе телефон, звони, поболтаем. Ждать намного легче, когда есть, с кем поговорить об этом.

– Спасибо вам.

– И давай сразу на «ты», хорошо?

В это время раздалась команда «По вагонам!», и толпа на перроне разделилась надвое – люди в камуфляже двинулись к поезду, остальные замерли, глядя на них. Леха обнял меня, поцеловал, долго держал мое лицо в своих ручищах, а я все шептала, глотая слезы:

– Я все равно к тебе приеду... вот увидишь...

– Забудь об этом! Я запрещаю тебе! Увижу – сам лично, собственными руками обратно отправлю, поняла? Не смей! – он еще раз поцеловал меня и вскочил на подножку тронувшегося уже поезда...

Просто сорок первый год какой-то... В мирное время провожать человека на войну... врагу не пожелаешь. Но разве же мы в этом виноваты – Леха, Рубцов, Леший, Лена, я?..

С вокзала я возвращалась вместе с Рубцовыми; невысокий, крепкий Саша потихоньку меня разглядывал, а его мать... Я даже не думала, что бывают такие открытые люди – она рассказывала мне о своей жизни так просто и буднично, словно бесконечное ожидание было делом обычным, словно не было многих месяцев мучительного одиночества, бессонных ночей с маленьким сыном, постоянного безденежья и неустроенности. И главное – страха, постоянного страха, что можешь не дожидаться...

– Лена, тебе не бывает жалко, что ты замужем за военным?

– Я не думаю об этом, просто живу, и все. А что, женой слесаря или инженера проще быть?

– Не знаю. Но все-таки слесарь или инженер – это другое немного...

– С чего ты взяла? Трудно быть женой в принципе, а уж чья ты жена – дело десятое.

Мы еще долго шли молча, и я все думала об этих ее словах, понимая, что, скорее всего, она права. Мой первый и такой недолгий муж не был военным, но жить с ним из-за его бизнеса и невыносимого характера оказалось тоже невозможно. Так что и у меня был кое-какой опыт по этой части...

– Зайдем к нам! – пригласила вдруг Рубцова, когда мы проходили мимо панельной девятиэтажки.

– Это удобно?

– Неудобно, когда у военного дети на соседа похожи! А все остальное нормально, – пошутила она. – Идем.

Их квартира оказалась «двушкой» на седьмом этаже, уютная, чистая, хотя и маленькая совсем. Было видно, что хозяйка очень много времени уделяет своему дому, вкладывая в него всю душу и умение. И запах... пахло пирогом с капустой.

– Это я всегда в дорогу ребятам пеку такой пирог, по традиции уже, – объяснила Лена, перехватив мой взгляд. – Рубцов без этого не уезжает, говорит – тогда в поезде домом пахнет.

Мы пили чай в большой комнате, служившей, видимо, и гостиной, и спальней, и кабинетом – Лена работала бухгалтером в небольшой фирме по продаже офисной техники, и на столе в углу была свалена целая куча папок.

– Лена, а ты Кравченко хорошо знаешь? – осторожно спросила я, опуская на блюдце фарфоровую чашку с чаем.

– Леху-то? Конечно, они ж с училища вместе, в Афган тоже вместе попали. Я ж как мать им всем, – Лена усмехнулась, потянулась к вазочке с конфетами, взяла карамельку, потом, передумав, бросила ее обратно. – Они со мной советуются, к нам с Рубцовым идут с любым горем, с любой радостью. Я ж и по госпиталям ездила сколько раз, что к Кравченко, что к Лешему. А когда Леху в Афгане контузило, я возле него почти месяц сидела безвылазно. В Ташкенте, помню, жаррица, дышать нечем, а я в палате с Кравченко загораю... Он в очень тяжелом состоянии был, не слышал, почти не говорил. Врачи сказали – может остаться на всю жизнь глухим. Обошлось, слава Богу... Я там такого насмотрелась, в госпитале этом – не расскажешь! Мальчишки молодые, а искалечены так, что глянуть страшно, – она передернула

плечами и перевела разговор. – Знаешь, Леха нескладный какой-то в жизни, неловкий, а вот на войне, говорят... Лучше него в батальоне нет, у него в крови война. И из-за этого он все время один. Ну, и пил после Афгана долго, да и после первой чеченской тоже... Напьется и воет, как волк. А потом – как отрезало, завязал. Но по службе никак не продвинется, дурацкая манера называть идиота идиотом в глаза, не смотря на погоны. А кому ж это понравится?

– Понятно... Лен, а правда, что он в роту фельдшерами только парней берет?

– А тебе зачем? – удивилась она, внимательно посмотрев на меня.

– Я все равно уеду к нему. Есть начальство и покруче капитана Кравченко, прикажут – никуда не денется. Мне нужно, понимаешь, нужно быть рядом с ним, он пропадет без меня, я чувствую.

Лена смотрела на меня во все глаза и словно ушам своим не верила:

– Господи, девочка, да ты больная... – проговорила она, наконец. – Точно, ненормальная! Ты думаешь, что это так просто – попасть в Чечню, в боевое подразделение?

– Я военфельдшер, я аттестована, меня не имеют права не взять, – уперлась я.

– Марьяна, ты говоришь такие глупости, что слушать стыдно! Я старше тебя, побольше видала в жизни, – внушительно сказала Лена, взяв меня за руку. – Война – это игрушка для мальчиков, а девочки должны играть в свои игры, понимаешь, у каждого своя песочница. А уж если ты вознамерилась попасть в роту Кравченко и даже если тебе это вдруг удастся каким-то чудом, то ты жестоко пожалеешь об этом уже через сутки. Тот Леха Кравченко, которого ты знаешь, остался на вокзале, а туда уехал совсем другой Леха, чужой, жестокий, безжалостный, слепой и глухой ко всему, что не касается войны. И если он увидит тебя в расположении роты, никто не знает, чем закончится твоя авантюра. Но уж поверь – точно не букетом ромашек!

– Лена, я понимаю, ты права, наверное, и все правильно сказала, но я уже решила. Мой дядя служит в штабе округа, если я попрошу, он поможет...

– Вот дурочка, ну, какая же ты дурочка, ей-богу! – всплеснула руками Лена. – На войну по благу... кому скажи...

– А ты не говори, не надо, я очень тебя прошу, особенно Рубцову своему, а то он мне все испортит.

Я встала из мягкого кресла и пошла к двери, Лена двинулась за мной, охая, как наседка. Мы попрощались...

Трясаясь в трамвае, я думала о том, что идея с дядюшкой, конечно, богатая, если только он не сдаст меня родителям. Это ж страшно представить, что тогда начнется...

...Но все обошлось, дядюшка молчал, как партизан на допросе, и все три месяца, что я бегала в военкомат, в санитарное управление и в прочие приятные места, никто ни о чем не догадывался. В тот день, когда я наконец-то подписала шестимесячный контракт на прохождение службы в Закавказском военном округе, все и открылось... У мамы случилась истерика, отец, с малых лет научивший меня общаться на «ты» с карабином и пистолетом, орал, как подорванный... Короче, было интересно.

– Это ты виноват! – кричала мать, размазывая по лицу слезы вместе с тушью. – Ты и твоя дурацкая охота! Зачем ты таскал девчонку на убийство с десяти лет?! Как тут мозгам набекрень не свернуться?!

– Мам, успокойся! При чем тут это? Ну, при чем? Я медик, а не снайпер, в конце концов! – отбивалась я, вызывая новую волну гнева.

Чтобы хоть как-то успокоить родителей, я сказала, что еду в военный госпиталь в Моздоке, очень далеко от военных действий. Но это не слишком помогло...

– А чем тебе местный госпиталь не угодил?! Работы мало?! – орала мать, хватаясь за сердце.

«Ты не поймешь, – подумала я. – Здесь я слишком уж далеко от Кравченко».

За пару дней до отъезда мы с Юлькой прогуливались в парке над рекой, почти все время молчали, думая каждая о своем. Внезапно подруга остановилась, развернула меня к себе лицом и требовательно спросила:

– Марьянка, скажи честно – ты хоть понимаешь, куда лезешь? И чем это может, не дай Бог, закончиться? А если ты не найдешь его? Чечня большая, там ведь не одна рота и даже дивизия, наверное, не одна!

– Юля, не говори ерунды. Ты ведь знаешь, что если я решила, то лоб разобью, а сделаю. И я найду его, я знаю.

– Кошмар какой-то, – пробормотала Юлька, обнимая меня. – Не могу понять, что ты нашла в этом солдафоне? Его ж хоть сейчас на плакат «Десантные войска ждут именно тебя!». Ходячая реклама военкоматов!

Я промолчала, никак не реагируя на Юлькины выпады. Зачем я буду доказывать что-то, объяснять, убеждать? Мне совершенно безразлично, что думает по поводу Кравченко моя подруга. Кстати, она вообще редко одобряла моих молодых людей, да и сама никак не могла определиться с избранником. Один был недостаточно образован, другой недостаточно самостоятелен, тот не нравился внешне, а этот – просто моральный урод... Словом, Юля была девушкой разборчивой, да и самомнением ее Бог не обидел. Подобные завышенные требования она пыталась предъявлять и к моим парням, но я всегда пресекала эти попытки. И вот впервые в жизни мне все равно. Я знаю все его недостатки сама, без чужой подсказки. Но еще я вижу то, чего не дано увидеть остальным, то, что так глубоко спрятано под броней из мышц и камуфляжа. Я вижу то, какой он на самом деле, и для того, чтобы разглядеть это, мне не потребовалось много времени, достаточно было просто взглянуть в его глаза.

– Давай не будем с тобой спорить перед моим отъездом, хорошо? – попросила я. – Пойдем в кафе, что-то я замерзла.

Мы зашли в маленькую кофейню на набережной, сев за столик, заказали кофе и пирожные, и долго молчали, словно не о чем было говорить. И в самом деле – о чем? Юлька знала меня с пятилетнего возраста, мы были почти неразлучны, всюду вместе, хотя и учились в разных школах – гулять во двор, на каток зимой, на дискотеку в ДК, когда стали постарше. Поэтому, думаю, она не пыталась отговорить меня от поездки, позволив себе лишь осторожно высказать мнение.

– Марьянка, знаешь, о чем я сейчас думаю? – внезапно спросила подруга, рассеянно помешивая маленькой ложечкой кофе.

– Я не гадалка.

– А ведь я тебе завидую. И поймала себя на этой мысли только сейчас, – призналась Юлька, удивив меня. – Наверное, вот это и есть любовь – когда бросаешься вслед человеку, очертя голову, не думая о себе...

– Не знаю я, как это называется. Меня беспокоит сейчас совсем другое... а если я в самом деле не найду его, что тогда?

– Вернешься.

– Ты не понимаешь. Я не вольнонаемная, не могу уехать просто потому, что, видите ли, не понравилось, – я отставила в сторону блюдо с недоеденным «Графским замком» и посмотрела на Юльку. – И придется мне все шесть месяцев теряться в догадках, а он и не узнает, что я рядом.

– Не думай про это, – решительно сказала Юлька. – Ты ведь упертая, у тебя все получится.

– Если бы так и было...

Первый раз надевая форму, я тряслась, как в лихорадке. Конечно, мы с Юлькой ушили брюки, как смогли, подогнали куртку, но вид у меня был все равно тот еще... Глядя на меня

сейчас, никто и не заподозрил бы, что у меня под всем этим «великолепием» довольно приличная талия, длинные ноги и даже неплохой формы грудь. Маскировка удалась.

На вокзал меня не провожали – я запретила родителям ехать со мной, чтобы не расхолаживали. Юлька порывалась поехать, но ее не отпустили с работы, и это тоже было кстати. Я оказалась не единственной женщиной – вместе со мной ехала бригада медиков из соседней области. К ним в вагон меня и определили. Девчонки оказались веселыми, всю дорогу хохотали, пели, рассказывали анекдоты. Все они ехали в Чечню, как и я, впервые.

... Через неделю в штабе Закавказского военного округа пожилой начальник сануправления откомандировал меня... в Моздокский госпиталь. Это был полный крах! Какой, на фиг, Моздок, разве за этим я ехала сюда?! На меня орал трое здоровых мужиков, но я уперлась и отказалась ехать наотрез.

– В Шатой ты не поедешь! – отрезал начальник управления. – А если не поедешь в Моздок, можешь убираться отсюда к чертовой бабушке! Прислали красавицу с гонором на мою голову, мало тут своего!

– Товарищ полковник, я прошу вас, отправьте меня в Шатой! – твердила я, чуть не плача.

– А что тебе там делать, птица моя? – уставшим голосом поинтересовался полковник, и я брякнула первое, что в тот момент пришло в мою голову:

– У меня там муж! – и испугалась по-настоящему – а ну, как отправит меня сейчас восвояси?

– Муж?! Какой еще муж? – изумился начальник.

– Обыкновенный. Капитан Кравченко.

– Это какой Кравченко? Такой здоровый жлобьяра-десантник со зверской рожей? – вмешался в разговор связист-лейтенант. – Да он тебе в отцы годится, придумай другое что!

– Это не ваше дело, товарищ лейтенант! – отрезала я, сверкнув глазами в сторону болтливого связиста. – Капитан Кравченко – мой муж, даже если вас лично это как-то смущает!

– Да мне-то до звезды, как раз! – сообщил он. – Просто этот чертила недавно опять начальнику автоколонны в морду дал за то, что тот к «коридору» опоздал на десять минут. Шуму было... А Кравченко твой опять без повышения, так ему точно майора не дадут!

– Так, все, хватит байки травить! – хлопнул ладонью по столу полковник. – Значит, у вас, дамочка, любовь? А Кравченко в курсе?

– Да, – соврала я. – И я не дамочка, а военфельдшер.

– Ну-ну. Ладно, черт с тобой, метись к своему капитану, там как раз фельдшер погиб недавно, а я время засеку, за какое он тебя обратно выкинет. Но если вдруг останешься, смотри – порядок потребую, как с мужика, без скидок на то, что ты девка! И в туфлях по горам неудобно! – не удержался полковник от иронии.

– А вы видите на мне туфли? – удивилась я.

– Это к слову. Иди, получай медикаменты, бумагу я подписал. Через час в Шатой идет груз, поедешь с ними.

– Спасибо, товарищ полковник! – я готова была расцеловать и его, и противного связиста, и даже штабную дворняжку, мирно лежащую у входа. Часа через три я увижу Леху, моего Кравченко! Одна проблема – рад ли он будет такой встрече...

... Самые худшие мои опасения оказались просто детской сказкой про Колобка. Кравченко орал так, что его слышала, наверное, не только вся рота, но и штаб округа...

Батальон располагался в небольшом ущелье, и горы, возвышающиеся над дорогой, произвели на меня странное впечатление – как будто я попала в детскую сказку, в мрачное средневековье, а из-за каждого камня за идущей колонной наблюдают лучники. И небо... оно было необыкновенно высоким, голубым и чистым, в городе такого не увидишь.

Когда я вышла из машины в расположении роты, меня сразу окружили молодые ребята в военной форме. Они разглядывали меня так, словно увидели инопланетянку, а не худую, высокую шатенку в камуфляже.

– Вы к кому, девушка? – поинтересовался один.

– Я ваш новый фельдшер, – объяснила я спокойно, стараясь не замечать улыбок и подмигиваний. – Где комроты?

– Ах, фельдшер! Вместо Кузи, значит?

– Значит. Так где ротный?

– Подожди, не спеши, красавица, успеешь еще отсюда пробкой вылететь, побудь с нами хоть пять минут, – уговаривал меня высокий симпатичный армянин в тельняшке и бронежилете. – Давай познакомимся на дорожку. Вагаршак меня зовут.

– Марьяна Стрельцова, старшина медицинской службы.

– Ого! – многозначительно подмигнул собравшимся Вагаршак, но продолжить знакомство не удалось – из стоявшей рядом командирской палатки раздался голос Кравченко:

– Где новая медицина? Сюда!

Я вздрогнула, уверенности что-то поубавилось...

– Ой, мама, что сейчас будет, вах! – тихо сказал Вагаршак. – Пацаны, отползаем потихоньку, пока не поздно – ротный в гневе – это нечто!

И в секунду вокруг меня не стало никого, раз – и нет, как в игре в прятки. Набрал побольше воздуха в грудь, я вошла в палатку.

За столом сидел Кравченко и черкал что-то на бумаге, на двухъярусной койке внизу лежал Рубцов и дремал, еще три койки были пусты, на одной из них валялась гитара. Кравченко поднял голову... Даже появление в его палатке самого Шамиля Басаева не произвело бы такого эффекта, как моя скромная персона...

– Та-а-ак! – угрожающе протянул капитан, вставая из-за стола. – Это кто же у нас такой, новый фельдшер?! А ну, кругом марш отсюда! Бе-е-гом! – заорал он внезапно.

– Ага, сейчас! – невозмутимо ответила я, хотя коленки тряслись и подгибались.

– Что?! Да кто... кто... – давился словами Кравченко. – Рубцов, вставай! Глянь, чего происходит! Глянь на эту...эту...бестолочь, вот! – подобрал он, наконец, наименее оскорбительное выражение.

Рубцов сел на койке и долго хлопал глазами, прогоняя сон, и наконец ему это удалось:

– ...твою мать! – констатировал он.

– Вот именно! Знакомься – наш новый фельдшер, вместо Кузи!

– Сильно, – произнес Рубцов, сунув в рот сигарету и шаря по карманам в поисках зажигалки.

– Вот и я говорю! Так, разговор закончен, немедленно в машину – и к чертовой матери отсюда! Лично позвоню в штаб и проверю, – он отбросил от себя карандаш и повернулся ко мне спиной. – Можете идти, старшина. Выполнять!

– Меня прислал начальник санитарного управления, и только он может отозвать обратно! – заявила я, на что Кравченко заорал:

– Не он, а я! Пока я здесь комроты, я сам решаю, кто служит у меня! Я сказал – разговор окончен!

– Что ты орешь на меня? – возмутилась я, закусив губу. – Даже не поздоровался нормально!

– Хватит, я сказал! Убирайся!

– Леша...

– Я тебе не Леша, а товарищ капитан!

Но тут не выдержал Рубцов, рухнув обратно на койку и закатившись так, что затрясся пол:

– Ну, ты и дурак! Это ж надо! Зверюга, ты ж радоваться должен, а ты орешь на девчонку...

– Чему? Чему я должен радоваться?! – мрачно поинтересовался Кравченко. – Тому, что теперь ни минуты спокойной у меня не будет? Тому, что ее не только от «зверей» придется защищать, но и от своих же бойцов? Тому, что ей голову оторвет осколком, как Кузе? Или тому, что в мешке ее упрут, как часового две недели назад? Этому радоваться?

– Действительно, дурак ты, Леха! – с душой приложил Рубцов, поднимаясь и выходя из палатки.

Мы с Кравченко молча смотрели друг на друга, и он не выдержал первым, шагнул ко мне, снял с моей головы черную трикотажную шапочку, распустил волосы и заговорил свистящим шепотом, зарывшись в них лицом:

– Ласточка, я прошу тебя, умоляю – избавь меня от этого, я не могу тебя оставить, не прошу себе, если с тобой что-то случится... Пойми, здесь каждый день стреляют, пацаны гибнут, зачем мне еще и ты, зачем? Я с ума сойду... Избавь меня, пожалуйста... – бормотал он, глядя меня по голове.

– Я не могу, Леша, не проси, – произнесла я. – Я не уеду, я останусь с тобой и буду с тобой, что бы ни случилось.

– Черт тебя подери, до чего ж ты упрямая, Марьяна! Ладно, но смотри... Если что замечу...

– Сдурел, да? – возмутилась я, скрывая свою радость – удалось мне, удалось, не выгнал, оставил!

Вечером перед строем Кравченко представил меня бойцам. Народ был в шоке, но меня это не очень взволновало.

– Чтобы не возникало никаких вопросов, жить будешь у нас, отгородим угол, – сказал Кравченко.

– А прежний фельдшер где жил?

– В первом взводе. Надеюсь, ты туда не попросишься?

– Надейся. Лучше поближе к начальству, – улыбнулась я.

...Потом мы с Рубцовым играли в карты, Лешка что-то писал, а в соседней палатке бойцы орали матерные частушки.

– Сереж, а где Леший? – поинтересовалась я, раздавая карты после очередного проигрыша, так как хитрый разведчик дурил меня по-черному, но он только подмигнул и не ответил. – Знаешь, мы с твоей Леной очень много общались, пока я сюда не уехала. Тебе повезло с женой, она тебя так ждет и так о тебе рассказывает, что дух захватывает.

– Да, не то, что некоторые прочие, которые лезут неведомо куда, сломя голову, – заметил Кравченко, отрываясь от своей писанины. – Сидела бы в своем госпитале...

– Леша, ну, хватит уже! Все решено, я здесь...

– Легко исправить, кстати, – буркнул он.

– О, ты меня плохо знаешь! Я буду возвращаться, как приступ малярии.

Мы дружно рассмеялись, и Рубцов встал, потянулся, взял автомат:

– Пойду к своим, посмотрю, как там, да потом к соседям во вторую роту сгоняю.

Он ушел, Кравченко отложил бумаги и, не отрываясь, смотрел на меня.

– Что ты так смотришь?

– Думаю. Что мне делать с тобой, ласточка? Зачем ты все это затеяла? Неужели тебе и правда нужен старый, больной, психованный мужик?

– А тебе что-то другое в голову пришло?

– Я боюсь думать об этом. На войне нельзя привязываться, иначе потом так больно, что не хочется жить.

– Да что ж ты заладил, – разозлилась я. – Не надо мне твоей привязанности, мне главное – что я с тобой, здесь, рядом, вижу тебя и слышу, а все остальное мне совершенно безразлично.

Можешь не замечать меня, – я подошла к нему и погладила по небритой щеке. – Колючий стал...

– Да, извини, некогда было. Завтра с утра сбрею.

– Можешь зарастить по брови, это не уменьшит моей любви, – засмеялась я, и он тоже улыбнулся, а потом подтолкнул за висевшее на стене одеяло:

– Иди ложись, ты устала.

– А ты?

– А у меня жизнь ночная, – и он вышел из палатки, прихватив автомат.

«Обхохочешься! – подумала я, ложась под одеяло в теплых колготках и тельняшке. – А Рубцов-то так изящно ушел! Плохо, видимо, ты своего друга знаешь, Серега!»

Я свернулась калачиком под одеялом и закрыла глаза, в душе радуясь тому, что я-таки добилась своего, осталась рядом с Кравченко в роте, смогу видеть его и быть с ним каждый день.

Среди ночи меня разбудил звук взрыва и раздавшийся через какое-то время крик: «Фельдшера! Фельдшера сюда!» Я вскочила, кое-как натянула в темноте брюки и куртку, схватила сумку и выбежала из палатки. Прямо на меня несся Вагаршак. Не говоря ни слова, он схватил меня за руку и потянул за собой. Возле палатки первого взвода, прямо на земле, лежали двое. Одному моя помощь была уже без надобности, а другой корчился в судорогах, прижимая к груди окровавленный рукав. Я села на корточки рядом с раненым и едва успела открыть сумку, как над нами выросла громадная фигура Кравченко. Оттолкнув меня в сторону, он рывком поднял стонущего парня с земли и поставил на ноги. Лицо ротного было перекошено, глаза налились кровью:

– Ты...сука, мать твою! За самогоном по минному полю?! Тротуар проложили, уроды?! – размахнувшись, он ударил раненого в живот, тот, вскрикнув, упал, Кравченко снова поднял его и еще раз ударил.

Я подскочила и попыталась перехватить его руку, но меня словно взрывной волной откинуло обратно, и я упала прямо под ноги Рубцову, который возник откуда-то из темноты. Он поднял меня и тихо приказал:

– Не лезь!

– Как не лезь, он же ранен, ему кисть оторвало, он ведь кровью истечет! Что за зверство?!

– Мо-о-олчать! – заорал Кравченко. – Труп убрать, а этого козла перевязать – и на «губу» до завтра! Всем разойтись! Работай, Стрельцова.

Я приблизилась к парню, разрешила рукав, сделала укол наркотика, обработала культю. Бедный мальчик, в девятнадцать лет – инвалид без правой кисти... Его увели на гауптвахту, а я побрела в палатку списывать наркотик. Вернувшийся через час Кравченко подошел ко мне, взял за подбородок, заглянул в глаза и сказал:

– Никогда больше не лезь мне под руку, поняла? Никогда. Убью.

– Поняла. Но так ведь нельзя, Леша...

– Не говори того, чего не понимаешь! – взревел снова Кравченко. – Эти уроды полезли через минное поле в поселок за самогоном, разминировав предварительно себе тропу. Знаешь, чем это может кончиться? Тем, что зверье усечет ее и накроет нас, спящих и тепленьких, и все из-за двух козлов, у которых колосники горят! А мне теперь комбату докладывать, что у меня в роте «двухсотый» и чертов «груз-триста», которого бы под суд вообще! Что, думаешь, меня комбат в щечку чмокнет? Ни фига, он ботинком засадит в зад, да так, что неделю потом не согнущь! Вот и подумай, что я должен был сделать!

Высказавшись, ротный завалился на койку и отключился. А мне пришло в голову, что Лена Рубцова была права – такого Кравченко я не ожидала увидеть. Но, в конце концов, не это было главным, а то, что он признал за мной право быть рядом с ним, служить наравне с ним.

Мало-помалу он смирился с моим присутствием, даже орать стал меньше, а однажды, возвращаясь от комбата, принес мне букет – голубые, колючие незабудки.

– Ого! – многозначительно протянул Рубцов.

– Да вот... за брюки зацепились, – смутился ротный. – А ну вас! – разозлился он вдруг и вышел из палатки.

Мы с Рубцовым хохотали до колик, а букет потом долго стоял у меня в пузырьке из-под витаминов...

Вскоре стало холодать, шел октябрь. Сколько раз я просыпалась по утрам, укрытая поверх одеяла Лешкиной курткой, а сам он сидел в ногах в одной тельняшке и смотрел на меня... Эту самую тельняшку я стирала, а потом долго сушила над печкой, так, что от нее валил пар. Ночами было уже очень холодно, а потом выпал снег, такой белый и чистый, что казалось кощунством марасть его мазутом БМД, топтать ботинками и окрашивать кровью... Я привыкла к ночной стрельбе, к раненым, к запаху анаши в палатке, когда Рубцов и Кравченко расслаблялись после зачисток. Ко всему можно привыкнуть, даже к смерти...

Как-то в поселке разведчики, ходившие зачем-то на рынок, прихватили эстонку-снайпера. Ее заметил Топор, Толька Топоров, весельчак и заядлый бабник. И эта его страсть очень пригодилась, как оказалось в последствии. Высокая, белокурая девица сразу насторожила его – очень уж отличалась от местных девушек, закутанных в платки и не смевших глаз поднять на чужих мужчин. Эта же плыла по рынку, как королева, дерзко глядя вокруг, хотя и была одета как местная, чем и привлекла внимание любвеобильного Топора. Но чутье разведчика подсказало, что что-то здесь не так, и он вместе с двумя остальными бойцами осторожно проводил красотку до самого дома, а там, просто на всякий случай, аккуратно обшарил чердак, найдя в самом углу, под шифером, бережно упакованную в старое одеяло и целлофан СВД.

Красавицу моментально задержали и вместе с местными милиционерами привезли к нашему комбату. Меня тоже вызвали – для обыска и осмотра. Разумеется, обнаружили на правом плече синяки от отдачи приклада. Я разглядывала девушку и все пыталась понять, зачем ей нужен такой страшный способ заработка, что сделали ей простые русские мальчишки, попавшие сюда по приказу, а потом взяла и напрямик спросила об этом. Эрна – так ее звали – равнодушно пожала плечами и так же равнодушно ответила:

– А на панели лучше стоять?

– А по-другому заработать ты не пробовала?

– Я чемпионка Эстонии по биатлону, в сборной была. Потом травма серьезная, вот и отчислили. А жить надо, я ж ничего больше не умею – только бежать и стрелять. А скажика, ты-то что здесь делаешь? – прищурилась она, глядя мне в лицо, и ее холодные синие глаза впились в меня, изучая.

– У меня здесь муж.

– Такой здоровенный капитан, да? Я его столько раз уложить могла, не представляешь даже, – вдруг призналась она с легкой усмешкой, и у меня все похолодело внутри. – Столько раз в прицел его видела... уже и палец на спусковом крючке был. А однажды рядом с ним тебя заметила. Ты на мою сестренку похожа, – Эрна вздохнула и замолчала, взяла со стола мятую пачку сигарет, выбила одну и закурила, отрешенно глядя в стену перед собой.

Я же совершенно отчетливо слышала, как колотится мое сердце... надо же, повезло...

Ее увезли куда-то, а я потом еще долго вспоминала ее слова. Рассказывать об этом Кравченко я не стала, хотя, говорят, тот, кого не убил снайпер, хотя уже держал на «мушке», может считать себя неуязвимым.

И вот однажды приехал Леший, ворвался как ветер, растормошив нашу вялую дрему, орал и смеялся, обнимался со всеми и, когда схватил меня, с удивлением остановился и произнес:

– ...твою мать!

– Где-то я это уже слышала! – засмеялась я, толкая в бок Рубцова.

– Ты-то здесь откуда? – продолжал Леший.

– Откуда-откуда! Явилась вот... – пробурчал Кравченко.

– Ну, ты даешь! – восхитился Леший. – А я, как чувствовал, винца привез – закачаетесь!

Что, посидим за встречу?

И мы посидели. Ближе к ночи окосевший слегка Леший поинтересовался, не собираемся ли мы жениться.

– Где? Здесь прямо? – удивился Кравченко.

– А что? Чем тебя это место не устраивает? – развалившись на кровати и подложив для удобства под бок свернутую камуфляжку, уточнил Леший.

Мы вообще никогда не обсуждали это, даже в голову не приходило, потому что и так уже считали себя мужем и женой. И вдруг Леший со своим вопросом... Кравченко оглядел палатку, обвел взглядом всех, кто в ней находился, остановился на мне:

– Ну, не знаю... может, Марьянка платье хочет, что там еще бывает?

– Дурак! – спокойно отозвалась я. – Тельняшка и семь килограммов бронежилета – вот мое платье, не надо другого.

– Да уж, ты броник-то и не надеваешь, паразитка! – проворчал Рубцов, и я незаметно показала ему кулак.

Носить бронежилет мне и в самом деле было тяжело и неудобно, а потому я частенько опускала эту подробность. Рубцов ругался, а Кравченко не замечал – он и сам нередко обходился без этого средства защиты.

– Короче, не фиг тянуть! – подбил Леший. – Я объявляю вас мужем и женой, аминь, все свободны!

Они с Рубцовым поднялись и вышли, а я посмотрела на Леху – он улыбался.

– Ну что, жена? Добилась своего? Получила в полное распоряжение старого коня?

– Да. Тебя что-то удивляет в моем желании?

– Думаю, что тебе больше подошел бы муж-банкир, «мерседес» к подъезду, шикарные шмотки и модные курорты...

– Ой, вот только не кокетничайте, ротный, вам не идет! Если бы я хотела мужа-банкира, то он им и был бы. Проблема в другом – я хотела старого коня – капитана Кравченко.

– И ты его теперь имеешь! – заорал Лешка, опрокидывая меня на койку.

Собственно, ничего не изменилось с этой ночи, разве только Кравченко стал трястись надо мной куда больше, чем раньше. Он старался не брать меня на зачистки, прихватывая моего помощника Багдая, Багу, северянина из-под Дудинки. И все чаще смотрел на меня больными глазами. Это было невыносимо. Но в последний, как потом оказалось, боевой выход я все же выпросилась, хотя Кравченко и упирался.

– Спятила? Куда собралась? Никогда не брали тебя, и сейчас не возьмем.

– Я договорюсь с водителями, залезу в БМД и все равно поеду, – упиралась я.

– Да зачем тебе это надо? – не мог понять Леха, но я продолжала настаивать, хотя и сама не могла толком сказать, зачем. Просто именно сегодня посреди ночи я проснулась от ощущения какого-то могильного холода, сковавшего все тело. Это ощущение не покидало меня до самого утра. Едва услышав о приказе, я вдруг четко осознала, что должна быть рядом с Кравченко, что этот ночной кошмар, возможно, предостережение...

– Товарищ капитан, вы не имеете права оставлять роту без медицинской помощи в боевых условиях! – отчеканила я, вытягиваясь в струнку и глядя прямо Лехе в глаза. – Если вы опять откажете мне, я вынуждена буду подать рапорт командиру батальона.

Брови Кравченко взлетели вверх, он онемел на секунду, а я, не дав ему опомниться, взяла за руку и забормотала:

– Леша, я прошу тебя, разреши мне! Я не могу объяснить, но чувствую, что должна быть с тобой, иначе произойдет что-то непоправимое! Только не считай это бабьей дурью, я просто прошу – возьми меня с собой!

В конце концов он сдался, махнул рукой, натягивая черную трикотажную шапочку, превращаемую затем в маску, и приказал:

– Собирайся, черт с тобой! Только на глазах будь все время, чтобы я постоянно тебя видел! Поняла?

– Обещать не могу, но постараюсь.

... Я не помнила, в какой момент нас обстреляли, то ли на броне еще, то ли уже на дороге, не могла точно сказать. Но пули летели со всех сторон, как осы, рядом со мной падали пацаны, я не успевала даже разобрать, кто ранен, а кто уже убит... Где-то впереди орал Кравченко:

– Все с брони! Лежать! Всем лежать!

Какое лежать, мы метались, как чумные, по камням, с меня пулей срезало шапку, я даже не заметила, как и когда. Мы с Багой ползали от одного распятого на земле тела к другому, пытаюсь найти живых – их не было... Внезапно обернувшись, я увидела, как упал на снег Кравченко, камуфляжная куртка расцвела тремя красными розами между лопаток... Я метнулась туда, к нему, но пулеметная очередь прижала меня к земле. Чеченец лупил прямо над моей головой, не давая подняться.

– Бага! – орала я, захлебываясь слезами. – Бага, возьми командира, вынеси его, Бага! – понимая, что маленький северянин ни за что не сдвинет с места такую глыбу... И тогда я сама рванула туда, где, прикрытый с трех сторон бойцами, корчился в судорогах мой Леха.

– Куда?! Ложись, дура, убьют! – услышала я крик кого-то из пацанов, но остановит меня не мог уже никто – ни этот крик, ни пули зверей, ни даже прямое попадание из «мухи»... Я бежала туда, где умирал мой Леха, мой Кравченко...

Упав в грязный снег за спиной Вагаршака, я стала судорожно сдирать с Лехи куртку, резать тельняшку. На нем опять не было бронежилета, как, собственно, и на мне. Проклятая привычка нарушать приказы... Слезы мешали мне видеть, я вытирала их грязной рукой, но они снова и снова текли из глаз. Кравченко хрипел и корчился, на губах его появилась кровавая пена... Черт его побери, значит, легкое пробито, дело хреновое. Он поднял руку и окровавленной пятерней провел по моему лицу, глаза его стали закатываться...

– Не надо! – заорала я. – Не надо, Леша, не закрывай глаза, не умирай, Леша!

И вдруг стрельба прекратилась, стало тихо, как будто и не и не было ничего. Только распластанные тут и там тела ребят подтверждали реальность произошедшего. Кравченко еще дышал, судорожно вбирая воздух в легкие, но глаза больше не закрывал, а все смотрел на меня, не отрываясь. Я никак не могла понять, что именно он так пристально рассматривает, но, когда подошедший Вагаршак поднял меня на ноги, я вдруг заметила, что мои растрепавшиеся волосы с правой стороны стали белыми, как нетронутый снег на горных вершинах...

За нами пришли «вертушки», и я полетела в госпиталь вместе с ввалившимся в забытие Кравченко, весь полет не выпуская его руку из своих. В Моздоке его прямо с вертолетной площадки взяли в операционную, где оперировали в течение шести часов, а я все это время полужакала на полу под дверями, грязная, в рваных брюках, наполовину седая... Напрасно девочки-медсестры пытались поднять меня и увести к себе в персоналку – я мычала и не шла. Они приносили мне чай, но я не в состоянии была сделать ни глотка. Потом пришел какой-то врач, велел сделать мне укол, но я оттолкнула девочку, раздавив шприц ботинком – не могла отключиться, не узнав, что там с моим Кравченко.

Когда дверь оперблока распахнулась, и из нее вышел молодой хмурый хирург, на ходу надевающий халат на синий операционный костюм, я не смогла встать на ноги. А он и не заметил меня, прошел мимо, небрежно кинув медсестре:

– Появится старшина Стрельцова, сразу ко мне ее.

– Так вот она, возле блока, – кивнула в мою сторону сестричка. – Чокнутая какая-то...

– Тут будешь чокнутая, когда мужа на глазах... – он повернулся ко мне.

– Нет... нет... не надо, – застонала я, мотая головой. – Не надо, я не хочу, не говорите мне ничего...

– Успокойтесь, старшина! Жив ваш муж, только очень слаб, кровопотеря почти сорок процентов, да еще пуля одна застряла в легком у магистрального бронха, не извлечь пока... А так – он жив, и проживет еще долго. Не плачьте, девушка, не надо, прошу вас!

И тут я грохнулась-таки в обморок, ударившись затылком о мраморный пол.

Сколько времени я была без сознания – не знаю, помню только, что очнулась где-то под утро, на койке в пустой палате, в какой-то рубашке и босая. Я встала с постели и пошла к выходу. В коридоре было темно, только на посту горела настольная лампа, медсестра читала газету и грызла печенье, рядом с ней стояла кружка с дымящимся чаем. Мое появление привело девушку в ужас, ну, еще бы, в пять утра на тебя движется приведение в белом саване и наполовину седое!

– Зачем вы встали? – переполошилась она. – У вас постельный режим...

– Не ори так! – попросила я, морщась и хватаясь рукой за высокий борт поста, чтобы не упасть. – Голова раскалывается...

– Ну, ясное дело! – фыркнула она, разглядывая меня с интересом. – Так о мрамор затылком приложиться, как она вообще не развалилась, удивляюсь!

– Как тебя зовут? – спросила я, чувствуя, как подкатывает тошнота.

– Лиза.

– Лизочка, тут, в реанимации, лежит мой муж, капитан Кравченко. Мне надо туда.

– Ага, сейчас прямо! Только тебя там и не хватало! – возразила Лиза, вскакивая и подерживая меня, чтобы не упала.

– Я прошу тебя, мне очень нужно видеть его, знать, что все в порядке...

– Но потом обещаешь, что будешь спокойно лежать? Лежать и спать, как все люди?

– Потом все, что скажешь, я сделаю, только сначала доведи меня до реанимации.

– Ладно. Но только из уважения к тебе лично – об этом весь госпиталь говорит. Подожди, я тебе тапки принесу и халат, да и волосы подобрать бы... – она принесла мне обещанное, дала свою заколку, помогла собрать в хвост растрепанные, висящие сосульками волосы, и под руку повела в реанимацию.

Там нас не ждали – сидевшие на кушетке в коридоре медсестры уставились на меня, как на портрет графа Дракулы.

– Тихо, девчонки, – проговорила Лиза, прижав к губам палец. – Мы к Кравченко, на пять секунд буквально.

– Второй пост, – растерянно сказала темненькая. – Только, Лиза, пожалуйста, недолго, мне влетит, он очень плохой, до утра не дотянет, скорее всего...

– Тихо ты! – шикнула вторая. – Идите, девочки, идите, – и когда мы уже отошли, добавила подруге: – Совсем?! Это его жена. Говорят, она его сама вынесла, прикинь – такая худая, легкая – эту тушу? Мы с каталки-то еле сняли четвером...

Лиза довела меня до двери второго поста и отошла, я долго стояла, набираясь сил, чтобы войти туда, где сейчас метался между жизнью и смертью мой Кравченко. Он лежал забинтованный через всю грудь, в вене торчала игла капельницы, в носу – кислородная трубка, рядом шумно «дышал» аппарат ИВЛ. Но это был мой Кравченко, его руки, плечи, его татуировка... Я опустилась на пол возле кровати и уткнулась лицом в его колени, укрытые белой простыней.

– Прости меня, прости, я не сумела уберечь тебя... Лешенька, Лешенька мой... По его ногам прошла судорога, я подняла голову и увидела, что его веки дожат.

– Ты меня слышишь, родной мой, слышишь...

Откуда-то взялась Лиза, подхватила меня под мышки, потащила к двери:

– Пойдем, хватит, сейчас придет врач, и мне влетит за тебя.

Она силой выволокла меня из палаты, кое-как дотащила до отделения, вкатила приличную дозу реланиума, и я отключилась. Мне снился Кравченко, живой и здоровый, он тянул ко мне накачанные руки и смеялся. Смех стихал, а Кравченко продолжал хохотать беззвучно уже, и вдруг у него изо рта на тельняшку хлынула кровь... Я очнулась от собственного крика, в палату вбежали врач и Лиза, прижали меня к койке, но я все кричала и кричала до тех пор, пока в вену не вошла игла, и новая порция реланиума не замутила мое сознание...

Меня так и держали в полусне пять дней, кормили с ложки, помогали вставать. Потом препараты отменили, но мне не становилось лучше. Правый глаз был постоянно словно затянут пеленой, я ничего им не видела. Состояние апатии ко всему тоже не проходило, и это очень беспокоило моего врача. Он постоянно пытался вывести меня на какой-то разговор, но наткнулся на молчание. Я ничего не соображала, никуда не просилась, ни о чем не спрашивала. Даже появление Рубцова не встряхнуло меня, даже приехавшая с ним Лена, которая еле узнала меня. Я ничего не хотела, но Ленка Рубцова была не из тех, кто сдается без борьбы. Она взялась за меня энергично, стянула больничные тряпки, одела в розовый спортивный костюм, притащила краску для волос.

– Зачем? – вяло поинтересовалась я.

– Затем! Ты что, явишься к мужу такой лахудрой? – возмутилась Ленка.

– К мужу?

– Так, все! – рассердилась Ленка. – Не мешай мне.

Через час мои волосы стали такими же, как неделю или две назад – темно-русыми, без единой сединки. Оставшись вполне довольна собственной работой, Ленка вывела меня в коридор, где маялся Рубцов в больничной накидке, он обнял меня за плечи и повел в реанимацию. Через стекло поста я увидела, что Леха лежит уже без аппарата, глаза его открыты, и он смотрит в потолок. Мы тихо вошли в палату, и Кравченко улыбнулся, увидев нас, поднимая в приветствии левую руку:

– Салют, десантура! – хрипло произнес он.

– Здорово, черт старый! – отозвался Рубцов. – Напугал ты нас, как мы с Лешим без тебя?

– Серега... выйди, – попросил Кравченко, не сводя с меня взгляда.

– Да, я потом зайду... – он задернул жалюзи на двери и ушел, оставив нас одних.

– Ласточка моя, прости меня... Прости, что пришлось пережить все это... – заговорил Кравченко, но я закрыла ему рот рукой, чувствуя, как его сухие губы двигаются под моей ладонью:

– Молчи, я прошу тебя, молчи... Никогда не проси у меня прощения, ты ни в чем не виноват, ты – лучшее, что у меня есть.

Он закрыл глаза, из-под ресниц выкатились две огромные слезины, поползли по небритым щекам, и это поразило меня – мой несгибаемый, гранитный Кравченко позволил себе слабость.

– Тебе двадцать пять лет, ты красивая, умная и упорная, и я – все, что у тебя есть?

– Да. И больше ничего мне не нужно.

Как сказал мне потом наблюдавший Кравченко врач, то, что произошло, можно было отнести к разряду медицинских чудес – по всему выходило, что Леха не выживет, не очнется. Но он сделал это с поразительной скоростью, всего за неделю, и этому не преставали удивляться все врачи госпиталя.

– Не иначе, кто-то молится за мужика, – сказала однажды пожилая санитарка баба Поля, убирая в палате.

Я сидела возле мужа и, как обычно, держала его за руку. Он подмигнул мне – знал, кто именно и какими словами просит у Бога о милости...

Меня комиссовали – от шока перестал видеть правый глаз, еще хорошо, что работать не запретили, и я устроилась в госпиталь, чтобы быть рядом с Лехой, который очень медленно восстанавливался. Два раза пуля в правом легком начинала смещаться, вызывая тяжелые кровотечения, но оперировать хирурги не могли – Кравченко был очень ослаблен. Потом у него началась пневмония, тяжелейшая, с высоченной температурой. Леха бредил, рвался с постели, орал, командовал, воевал, короче. Я приходила к нему, отдежурив сутки в отделении для выздоравливающих, и оба своих выходных проводила возле мечущегося мужа. Жила я в общежитии, в комнате у Лизы, правда, появлялась там крайне редко, только помыться и сменить одни брюки на другие. Меня жалели, и это раздражало – мне не нужны были жалость и сочувствие, мне нужен был только Кравченко. Только этим я и жила. Родители постоянно звонили и звали домой, но как я могла? Если бы Леху можно было перевезти, я согласилась бы, но мы только что победили пневмонию, и он с трудом поправлялся, так что о переводе не могло быть и речи. Я очень похудела, забывая поесть, и Кравченко орал на меня в бессильной злобе, но ничего не помогало, аппетит не возвращался, и только инъекции витаминов, которые делала мне Лиза, не давали упасть. Пару раз приезжала Лена Рубцова, вытаскивала меня из госпиталя, выгуливала по городу, развлекала, как могла. Наконец, в апреле девяносто девятого, Леху перевели в госпиталь нашего города, и мы смогли уехать. В аэропорту спецрейс встречала бригада «скорой», и я даже домой не заехала. В госпитале уже ждали, Авдеев молча обнял меня, пожал руку Кравченко, и Леху увезли в палату, а меня врачи утащили в ординаторскую, усадив там за стол. Васька Басинский, разглядывая меня так, словно видел впервые, с чувством произнес:

– Уважаю тебя, Стрельцова! Бывает же...

– Вася, не надо, мне так хреново, не представляешь! Кто будет его лечить, не знаешь?

– Костенко.

Майор Костенко был знающим, грамотным хирургом, неоднократно бывавшем в Чечне, практику имел обширную, плюс к тому – раздробленную осколком коленную чашечку. Но врач отличнейший, я была спокойна за своего Леху.

Я зашла к Кравченко проверить, как его устроили, он был бледен после перелета, но старался не показать, что устал.

– Езжай домой, ласточка, тебя родители ждут. Съезди, отдохни, выпишись.

– Я не могу так надолго, ты останешься один...

– Что я? Лежу, в потолок плюю. Позвони Рубцову, пусть приедет, – попросил Леха, подталкивая меня к двери.

– Хорошо. Я недолго, – я поцеловала его, пригладила взъерошенные волосы. – Не скучай.

– Иди-иди, я поплю немного.

Я поехала к себе на квартиру. Теперь нужно было думать, как разместить здесь Леху, когда его выпишут. Комната, конечно, большая, двадцать четыре квадрата, «сталинка», но все равно огромный Кравченко будет выглядеть здесь просто супермасштабным. На столе лежала куча почты – это мать регулярно складывала содержимое моего почтового ящика. Я выбросила рекламки, газеты, отдельно сложила счета за квартиру, и вдруг мое внимание привлек конверт. Мне никто не писал писем, просто некому было. Я с любопытством распечатала его – это оказалось приглашение на встречу выпускников. Через неделю. Я не пошла бы туда ни за что,

но мать всю неделю уговаривала меня, и Ленка Рубцова, и сам Рубцов, вернувшийся недавно из Чечни с пулевым ранением в голень, и даже Кравченко, от которого я почти не отходила.

– Сколько можно торчать возле меня? Иди погуляй, посмотри, как люди живут, – уговаривал он, целуя мою руку. – Нельзя же всю жизнь возле меня в тельнике сидеть, причем в моем, кстати! – заметил он, и это была чистая правда – я всегда переодевалась в его тельняшку, ту самую, пробитую пулями, разрезанную моими руками и ими же зашитую. Мне было в ней уютно и удобно, она доходила мне до колен почти, как платье, и я старалась с ней не расставаться.

– Что, жалко? Жалко, да? – я прижалась к нему, погладив выпуклую грудь.

– Не надо, родная, – попросил он, пряча глаза. – Скажи, ты не думаешь о том, чтобы уйти от меня? – это было сказано так запросто, словно он просил сигарету принести или кружку подать.

– А по морде? – тихо поинтересовалась я.

– Я серьезно. Мне жалко тебя, девочка, ты хоронишь себя заживо уже долгое время, нельзя так...

– Я похоронила бы себя тогда, в ущелье, если бы не вытащила тебя. И не смей даже заикаться об этом еще раз, наглец! – заорала я. – Хорошо ты устроился, и сам себя жалеет теперь! А обо мне ты подумал? Или, как обычно, не успел?! Я никогда не говорила тебе, что пережила там, на дороге, когда ты упал, а я не могла пробиться к тебе до тех пор, пока снайпер пулеметчика не снял, да и не надо тебе знать! А ты позволяешь себе говорить ужасные вещи, Леша, ужасные! Никогда больше, ты слышишь?!

Кравченко молча поцеловал мои руки, долго не выпуская их из своих горячих ладоней, потом сказал:

– Нужно продать мою хибару. Конечно, если ты не передумала жить со мной.

Господи, могла ли я передумать?! О чем он вообще спрашивал?

– Я подумала об этом, но нужна уверенность, мы ведь не зарегистрированы с тобой.

– Я поговорю с врачом. И про регистрацию... не хотел говорить, да ладно. Завтра утром из ЗАГСа сюда женщина приедет, Рубцов договорился...

Я завизжала так, что в палату влетела дежурная сестра:

– Алексею Петровичу плохо?

– Нет, Алексею Петровичу хорошо, – улыбнулся Леха, глядя на меня – я кружилась по палате и была совершенно счастлива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.